

Он из рабочих-текстильщиков. Учился в ФЗУ, работал гравером-накатчиком на Трехгорке. Был актером-любителем ТРАМа — театра рабочей молодежи. На сцене этого «художественно-агитпропа комсомола» пел и танцевал. И в один прекрасный день шагнул с той сцены в большое киноискусство. Да так уверенно, по-хозяйски, как мало кто входил в этот сложный мир и до, и после него, Николая Афанасьевича Крючкова, ныне Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, лауреата Государственной премии, исполнившего в кино более ста ролей!

Зрители полюбили его сразу и навсегда. И теплое, благодарное чувство к искреннему, сердечному актеру, чьи герои на экране отличались величайшей достоверностью, крепло от фильма к фильму. «Этот наш!» — говорили о нем пограничники и трактористы, герои гражданской войны и строители Комсомольска-на-Амуре, шахтеры и танкисты. Создаваемые Крючковым на экране образы вбирали в себя лучшие черты советского человека — верность коммунистическим идеалам, патриотизм, самоотверженность.

Пожалуй, наибольшие основания «присвоить себе» Николая Крючкова — у военных: от рядового до генерала, по всем ступеням командирского роста прошел актер в рядах защитников Отечества. И в большинстве из них, прежде всего в роли Сергея Луконина, «парня из нашего города», стал незабываемым. Он, Луконин, — советский воин-интернационалист, сражавшийся за республиканскую Испанию,громивший фашистов в годы Великой Отечественной, и сейчас в строю, активно служа делу военно-патриотического воспитания молодежи: ведь фильм, поставленный без малого сорок лет назад режиссером А. Столпером и Б. Ивановым по сценарию К. Симонова, и сегодня идет на экранах, смотрится, волнует.

Но не в меньшей степени, чем военные, считают Николая Крючкова «своим» и сельчане. Сугубо городской, фабричный человек, он отлично вжился и в сельскую тему. Жизнь деревни, оказывается, все-таки знакома ему с детства. Еще ког-

да учился в школе и ФЗУ, летние каникулы проводил он с братом на родине матери, Олимпиады Федоровны, в деревне Ермолино. Это недалеко от Борово, что в Калужской области. Не на дачу выезжали — работать. Дядя Назар, человек добрый, гостеприимный, всегда был рад их приезду, но и за ними, гостями, как и за своими сыновьями, права на бездельный отдых не признавал.

родную Украину, на ее необъятные поля. Потянуло отдать землякам то, что приобрел в армии: знание техники, дисциплинированность, ответственное отношение к делу. Сотни прототипов было у Клим, они трудились в каждой МТС, в каждом колхозе, носили русские, украинские, казахские, грузинские фамилии. А Клим в исполнении Николая Крючкова стал тем, с кого «сделали жизнь» многие тысячи

верно, все профессионально постиг. Помните, Клим по звуку мотора определял, «чем болеет» трактор? И я научился определять. Экран обмана не терпит! Уже по тому, как прислушивается человек к двигателю, видно, механик это или играющий в механика. Не только трактор, я и самолет сам водил. И под танк, настоящий, зло лязгающий гусеницами, не каскадер вместо меня бросался. И не приглашенный

раз прилетел в Кустанай из ГДР — снимался там в фильме о Тельмане. Вот оттуда — прямо на целину. В сущий ад: жара невыносимая, пыль, грохот. Что говорить, видел и тех, кто туда за длинным рублем пожаловал, такие в районных центрах пристраивались, а то и просто бежали. А вот такие, как Ярко, Луконин, Сазонов — помните секретаря горкома комсомола из «Комсомольска»? — те на передовую рвались.

На целине — как на войне, Сражалась мирная пехота. Сражались горячо, в охоту. Еще вчерашние танкисты — Теперь —

герои-трактористы. Да будет хлеб! И хлеб пошел... — Это тоже мои стихи, целую поэму написал о целинниках. Чудесный народ! Помню, пригласили в совхоз имени Лермонтова. В голой степи — навес, столовая. И ничего больше. А угощали карасем, сами развели. Пруд выкопали и развели. Говорили, приезжайте чуть попозже — угостим украинской вишней, там больше украинцев было. Если о вишневых садах думали, значит, не на сезон приехали — навсегда. И вырастили сады, вспахали и засеяли дику степь. Полнокровной жизнью живут. И так повсюду, где не побываешь. А езжу я много. Был на Зее, на Токтогульской ГЭС, на БАМе, в Тюмени. И везде прикидывал, кем могли бы стать сегодня любимые мои герои. Так хочется сыграть сегодняшних Ярко, Луконина, Сазонова. Ясное дело, постарели они, дорогие мои ровесники. Но только не душой — суть характера осталась неизменной...

— Будучи гостем XXVI съезда партии, — завершает рассказ Николай Афанасьевич, — всматривался я в лица делегатов — какие люди! Вот кого — на экран, в новые фильмы. И не скрою, приятно было, хорошо на душе, когда подходили они ко мне, тепло приветствовали, поздравляли со званием Героя Социалистического Труда. И даже просили автографы. Узнали.

Не узнать Николая Крючкова, конечно, невозможно! И так идет ему Золотая звезда труженика на левой стороне груди. У сердца.

К. КОРЕНЕВСКАЯ.

На снимке: Н. А. Крючков с внучкой Катей.

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

БЫВАЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

— Бывало, приедешь летом в деревню, — вспоминает Николай Афанасьевич, — а для нас уже литовки приготовлены: отбиты. Коси, коса, пока роса.

В гостях у дяди Назара пахали и бороили, заготавливали на зиму дрова — со всеми «крестьянскими заботами» породнились. А главное — подружился с чудесными людьми. Дядины соседи Лукашевы, Замоленовы красивые были в труде, полны зазора, у каждого — искра божья. Сколько раз потом ярко вспыхивали эти искры в творчестве Николая Крючкова! Для своих героев он никогда ничего не придумывал. У живых людей, крепко стоящих на земле, брал артист «детали», из которых складывались потом правдивые, сильные характеры. Этого принципа — ничего не придумывать, нести на экран настоящее — он придерживается всю жизнь. И не потому ли уже в самом начале пути, с выходом фильма Ивана Пырвева «Трактористы», пришло к артисту поистине всенародное признание?

Вчерашнего танкиста-дальневосточника Клим Ярков после военной службы потянуло в хлебоборы — на

молодых людей колхозной нивы. И Николай Афанасьевич считает: именно этот результат был принят во внимание, когда его, в сущности, только начинающего артиста кино, наградили орденом Ленина. Так и говорит:

— Это моему Климу дали тогда орден. За мобилизующий пример.

Как о реально живущем среди нас ведет он разговор о своем Климе, не без душевного волнения вспоминая работу над картиной, по праву причисленной к выдающимся произведениям советского киноискусства.

— В Гурьевке, что под Николаевом, база была. Только закончились съемки фильма «На границе» — я прямо туда, в село. Прилетел раньше, решил познакомиться и пошел на поле, на стан. Там промаслился, прокеросинился. Кое у кого подходящие моему Климу повадки взял, особенно у одного парня хорошего. Фамилию, жаль, не помню, а звали его Степаном, и был он членом ЦК комсомола Украины. В шутку, конечно, но и не без доли серьезности предлагал мне Степан: «Оставайся у нас бригадиром тракторной, дело надежное. И все ты в этом деле постиг, как надо». А я, и

«морж», а я сам по несколько раз прыгал в ледяную воду при минус восемнадцати градусах...

— А сегодня, Николай Афанасьевич, смогли бы — по звуку?

— Сегодня? Пожалуй, нет. Техника-то не та, что была в тридцатые годы. Да и ни к чему, наверное, сегодняшнему Климу Ярков к мотору прислушиваться, он теперь, думаю, делами покрупнее заправляет. Я ведь нередко размышляю над возможными вариантами биографии Ярков в сороковые — семидесятые годы, мысли об этом записываю, иной раз даже в стихах:

И Клим Ярков —

товарищ мой,
В боях прошедший всю войну.

Оставил дом, со всей семьей
Отправился на целину...

— И вы, человек бывалый, вслед за ним. И тоже — работать.

— Верно. Леонид Ильич Брежнев засвидетельствовал в «Целине» и то, что бывалый, и то, что — работать ездил к целинникам. Хотелось как можно ближе познакомиться с ними, людьми большого подвига, постичь тех, кто приехал на целину по зову сердца. Я в первый